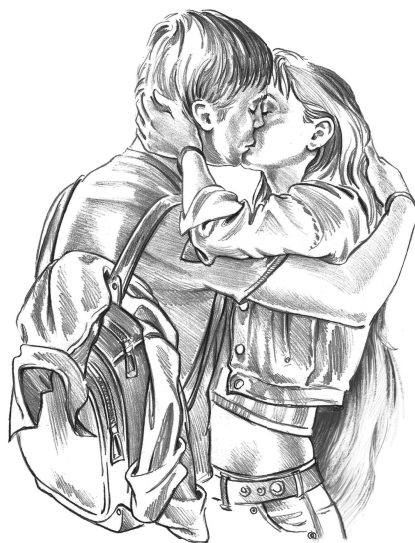

Александр Юк

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ

взрослая хроника школьной любви

РИПОЛ
КЛАССИК
Москва, 2016

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю23

Юк, А.

Ю23 ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ. Взрослая хроника школьной любви / А. Юк. — М. : А. Юк, 2016. — 308 с. : ил.

ISBN 978-5-521-76437-2

Последний учебный год в новой школе в новом городе — год, перевернувший жизнь юной героини, принесший величайшие и счастье, и испытания, преодолеть которые под силу не каждому.

Это история потрясающе красивой и чистой любви, еще не взрослой, уже не детской, но в любом случае серьезной и такой непростой. Талантливые люди талантливы во всем, и, прежде всего, в любви, в дружбе и верности. Чтобы достигнуть запредельных целей, они готовы поставить на карту все. Они не играют, они живут ва-банк.

Ровно триста дней было отведено новым Ромео и Джульетте в нашем циничном и прагматичном мире. Слишком мало, чтобы уместить в них всю безграничность их любви, но так много, если спешить жить в темпе ослепительно сгорающей звезды.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

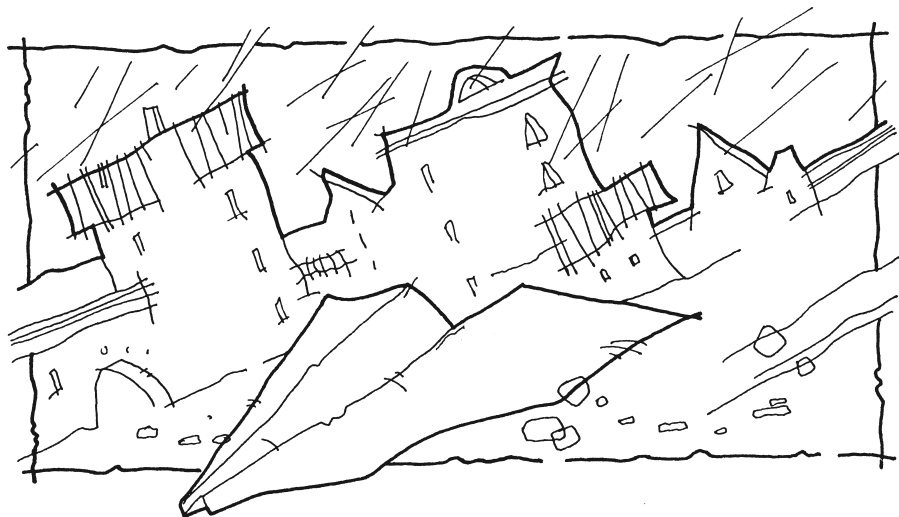
BIC FR
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-76437-2

© Юк А., 2016
© Андреев С. Э., иллюстратор, 2016
© Марычев А. Б., дизайн обложки, 2016

Маше Андреевой посвящается

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ

31 августа 2000 года, четверг

Она вовсе этого не хотела. Выход из дома она откладывала, сколько могла. Дальше тянуть было неприлично. Ребята собирались у Гофманов в шесть. Часы разменяли уже восьмой. Маша вздохнула почти обреченно и покинула свое убежище. Идти до дома Гофманов было минут пять, не больше. Поэтому она выбрала обходной путь.

Она не знала практически никого из тех, с кем предстояло сейчас встречаться, но уже заранее большого «энтузиазма» не испытывала. Что ее должно ожидать, она легко могла проинтуичить, опираясь на ощущения от той единственной вечеринки, на которую она нарвалась полтора месяца назад, едва появившись в новой школе.

Что-то илистое, склизкое, топкое, отпугивающее отложилось осадком на мелководе памяти от той первой встречи с новой действительностью, и вступать снова в подобную болотину отнюдь не хотелось. Она

еще не забыла, как встретила тогда ее в дверях самоуверенная смелонакрашенная девица:

— Гарик, ты кого привел? Ты кто?

От постановки вопроса она растерялась:

— Человек.

— Вижу, что не обезьяна, — критическим взглядом охватывая гостью, процедила хозяйка квартиры, но не посторонилась.

— Ну что ты начинаешь, Зинка? Впусти вначале, — вступился за спутницу Игорь Логинов, который и притащил ее сюда. Он отодвинул плечом Зинку, расчищая дорогу. — Эту красотку зовут Маша. Как там дальше по родословной, еще не знаю, мы с ней знакомы пятнадцать минут.

— Барышева, — назвалась Маша.

— Во. Ольга Николаевна сказала, что Маша будет учиться с нами в одиннадцатом.

— Ни фига себе! Кто ж ее принял в нашу богадельню? Когда Славку с Грибом выгоняли, говорили, что у нас перебор с народонаселением для выпускного класса. Видать, по большому блату.

— Для улучшения породы, — пояснил Гарик. — Она на золотую медаль тянет.

— Почем нынче золотые медали? — ехидно поинтересовалась Зинка.

— Отстань от девочки. Она под моей личной опекой, — пригрозил Гарик и провел Машу внутрь. — Не обращай внимания. Это Зинка Савельева. Она вообще прикольная.

Из тех, кто тусовался тогда у Зинки, кроме самой хозяйки и Гарика, Маша больше почти никого даже и не запомнила. Да, был еще ухлестывавший за Зинкой крупный увалень по имени Денис, но охотно откликавшийся и просто на Дыню. Хотя и мальчишек, и девчонок было человек десять, но в памяти они слились в нечто однообразно серое в мелкую крапинку. Однако различать людей по крапинкам дело не вполне благодарное и мало развлекательное, когда ты не знаешь твердо даже, как кого зовут.

В гостинной было душно и как-то затхло. Воздух был пропитан жарой, пивным паревом, потом и скукой. Даже появление новенькой не вывело компанию из расплавленного состояния. Дышать было нечем еще и от

ядовитого ленивого дыма, хотя курил лишь Дыня — парень, чьей головой вполне можно было играть в регби, Зинка, да еще две девчонки в одинаковых мини с одинаково обесцвеченными волосами мусолили сигареты, сосредоточенно стряхивая пепел в пластиковый стакан.

Маша закашлялась и вышла из комнаты.

— Слушай, у тебя деньги есть? — подошла к ней Зинка.

— В каком смысле?

— В смысле мани. Мне сейчас позарез нужны три тысячи. В займы.

Маша нашла свою миниатюрную сумку, аккуратно отложенную по-дальше от общей свалки, и вытащила тощий кошелек.

— Полторы. Все, чем богата.

— Ладно, давай. Полторы еще будешь должна. — Зинка взяла деньги. — Шутка. На днях отдам.

Последние слова прозвучали формально, и Маша успела пожалеть, что захватила с собой все свои накопления.

— Ну, как тебе? — подошел сзади Гарик.

— Никак. Я же здесь никого не знаю, — это было самое дипломатичное, что она смогла подобрать.

— Вообще-то они — так себе, — понял Гарик. — Нудные. Но надо поддерживать отношения со всеми.

— Зачем надо?

— Для удержания авторитета.

— А авторитет — это что, самоцель?

— Авторитет — это средство для достижения цели.

— А цель-то в чем?

— Ну, не умничай, а... — Гарик поспешил сменить тему: — Ты в карты играешь? Не бойся, не на деньги.

Маша неопределенно пожала плечами:

— Я не боюсь. Денег все равно уже нет.

— На раздевание. Хочу этих вареных пельменей вилкой потыкать. Кажется, они уже готовы.

— Мне не жарко. А тебе что, так нравится демонстрировать стриптиз перед своей же публикой?

— Да ладно тебе. Я никогда не проигрываю. А над лохами посмеяться — дело святое.

Маша попыталась, сколько смогла, отсидеться в соседней, явно Зинкиной, спальне, листая нехитрый книжный минимум, но представленного набора надолго не хватило. Когда ей пришлось вернуться в гостиную, атмосфера там уже ничем не напоминала сонное царство. Дыня, сняв с себя грязный носок, подвешивал его к близнецу, украшавшему люстру. Зинка, потерявшая к этому моменту блузку, пыталась выгнать из-за общего стола свою тринадцатилетнюю сестру Катюку, на которой оставалась лишь последняя необходимая деталь туалета. Та сопротивлялась чуть не плача и вопила, что все сейчас отыграет. Увидев Машу, Зинка закричала:

— Машка, давай сюда! Вместо моей Катюки.

Гарик, нацепивший на себя половину дамского гардероба, посмеивался, покачиваясь на стуле. На ком-то из ребят сохранилось немногим больше, чем на Катерине. Дыня ухватил проходящую мимо Машу за руку и потянул к столу:

— Подгребай смелее. Ей-бо, не обидим.

— Я сейчас. Мне на одну минутку, — она вырвалась из клещеруких объятий и выскользнула в прихожую.

Завладев своей косметичкой, Маша беззвучно, воровски приоткрыла входную дверь и бросилась на улицу.

Даже искусственно растянутая дорога заканчивается раньше, чем приходит осознание неотвратимости финиша. Не слишком разгулявшиеся воспоминания оборвались прямо у подъезда восьмиэтажки. Новых положительных ожиданий они почему-то не породили. Вспыхнула последняя надежда — кодовый замок подъезда, но и тут ее ждал облом: входная дверь была не заперта. Маша еще помедлила, прежде чем войти...

Что-то звучно шлепнулось об асфальт в паре шагов от нее. Маша подняла кожаную стоптанную тапочку без задника и прочертила взглядом возможную траекторию ее перелета. Вверху между третьим и четвертым этажами на линии балконов раскачивались чьи-то пятки. Запрокинув голову, Маша попятилась от подъезда и теперь смогла увидеть маль-

чишку, ухватившегося за нижнюю перекладину перил. Он то оказывался весь снаружи, то исчезал за плоскостью балконной этажерки. При очередном качке руки его разжались, и он с каким-то металлическим бряцаньем провалился во чрево третьего этажа. Сверху разнеслись по заведшему двору аплодисменты и одобрительные вопли. Последние были адресованы, по-видимому, и Маше, так как среди зрителей она различила Гарика, размахивавшего приветственно руками явно ей за неимением поблизости другого объекта.

Маша, наконец, нырнула в подъезд и, не дожидаясь кабины единственного лифта, залипшего на четвертом, пешим ходом одолев пару этажей, оказалась на третьем. Сверху доносились взбудораженные звуки разборок, забивающихся в лифтовую душегубку, которая упрямо отказывалась закрывать двери, оправдываясь перегрузкой. Несмотря на всего лишь два лестничных пролета, которые отделяли спорящих от конечной цели путешествия, никто не хотел признать себя лишним в этой давиловке. Маша вытащила из кармана скомканный листок. Все совпадало с бумажным описанием. Она протянула руку к пуговице звонка, но дверь продавилась вглубь квартиры чуть раньше, чем колокольчиковый перезвон побудил ее к этому действию. Мальчишка, чьи пятки сверкали только что в межэтажье, взъерошенный и слегка прихрамывающий, радужно улыбался ей, приглашая в освещенный грот прихожей.

— Привет. Ты — Маша Питерская?

— Ну вот, уже окрестили. Вообще-то я Маша Барышева, — она подавала ему свой трофей.

Прочувственно высокосветски склонив голову, он двумя руками пожал протянутую ему тапочку:

— Весьма, весьма приятно. Разрешите представиться: Евгений. Мартов. Простолюдины называют Женей.

— Что у вас здесь происходит? Соревнования по прыжкам с высоты?

— Типа того. Полезли на крышу провожать закат и захлопнули дверь. Хорошо, сосед-добряк сверху запустил.

— Нет, правда: тебе что, жить надоело?

— Это только одна из возможных версий.

— Или ты сумасшедший?

— Это всего лишь вторая. Обе мимо.

— А какая же третья?

— Не интересно делать то же, что и все. Если бы все каждый день лезли через балконы, я бы ждал, пока откроют дверь.

В этот момент лифт, пошедший с ребятами на компромисс, привез хоть и не всех, но шестерых, вместо четырех законных пассажиров. В этой первой партии был Гарик. Обхватив Машу за плечи, он провернул ее на триста шестьдесят, объявляя:

— Представляю: это моя Машка. Правда, высший класс?

— Положь, где взял.

Парень квадратного сечения легко отеснил Гарика от эпицентра внимания и, подхватив Машу под локотки, практически занес в просторную гостиную.

— Но-но, Громила. Здесь тебе не тут. Девочку руками не трогать. Видишь, какая хрупкая. Не дай бог что сломаешь. Будешь мне все по описи сдавать. Я отвечаю за сохранность этого редкого экземпляра.

Рядом с тем, кого он назвал Громилой, Игорь, который не страдал ни задержкой роста, ни недостатком мышечной массы, воспринимался Шварценеггером на фоне Кинг-Конга.

Наконец на попутном лифте прибыла последняя группа любителей ярких природных явлений. Среди них была Наташа Гофман, которая, не без лоббирования классной, собственно, и пригласила Машу к себе на последнюю вечеринку последнего лета детства. Громила на поверку оказался Сашкой Гофманом и по совместительству родным братом Наташи. Саму ее, конечно, нельзя было назвать мелкой, но с братом она не шла ни в какое сравнение. Между тем влияние ее на Сашку было столь безгранично, что это, зачастую, оставалось единственным способом привести лениватого Громилу в рабочее состояние или, напротив, отключить на неопределенное время в момент агрессивной активности. Последнее случилось исключительно редко: Сашка являлся счастливым обладателем сразу двух прозвищ, но второе — Тюфяк — использовалось в исключительных случаях и предпочтительно, дабы не рисковать жизнью, за глаза.